

На правах рукописи

СЫСОЕВА Мария Эдуардовна

**Конструирование этничности на Северо-Западном Кавказе
(убыхский случай)**

Специальность 5.6.4. – этнология, антропология и этнография
(исторические науки)

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Москва – 2023

Работа выполнена в Отделе Кавказа Федерального государственного бюджетного учреждения науки Ордена Дружбы народов Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук (ИЭА РАН)

Научный руководитель: **Анчабадзе Юрий Дмитриевич** – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела Кавказа ФГБУН Ордена Дружбы народов Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук (ИЭА РАН)

Официальные оппоненты: **Албогачиева Макка Султан-Гиреевна** – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, заведующая отделом этнографии Кавказа ФГБУН Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук (МАЭ РАН)

Кудаева Светлана Григорьевна – доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой истории и права ФГБОУ ВО «Майкопский государственный технологический университет» (ФГБОУ ВО «МГТУ»)

Ведущая организация: Центр изучения Центральной Азии, Кавказа и Урало-Поволжья ФГБУН Института востоковедения Российской Академии Наук (ИВ РАН)

Защита состоится 19 декабря в 14:00 на заседании Диссертационного совета Д 002.117.ХХ (24.1.194.01) по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, созданного на базе Федерального государственного бюджетного учреждения науки Ордена Дружбы народов Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН по адресу: 119334, Москва, Ленинский проспект, 32А, корпус «В», 18 этаж, Малый зал.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке и на сайте Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН www.iea-ras.ru.

Автореферат диссертации разослан «___» _____ 2023 года

Ученый секретарь
диссертационного совета,
к.и.н.

Васеха Мария Владимировна

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования. Тридцать лет назад, в день смерти последнего убухофона Тевфика Эсенча, мировой мартиролог исчезающих языков пополнился еще одним случаем. Некрологи об убухском языке, уникальность которого виделась в том числе в рекордном количестве согласных звуков, выходили на разных языках мира (турецком, адыгском, французском, норвежском, русском и многих других). Одновременно с затуханием убухской речи формировалось представление об убухах как исчезнувшем народе, ушедшем в историческое небытие. Между тем, в последнее время активизируется этнический ренессанс, усиливается возрожденческое убухское движение. Последнее сочетает в себе как «традиционные» ревитализационные шаги (восстановление фамилий, юридическое закрепление убухской идентичности на законодательном уровне, в частности, движение за признание убухов коренным малочисленным народом Российской Федерации), так и способы онлайн-возрождения, при котором символическая легитимность потомков убухов достигается путем создания в интернет-пространстве некоего воображаемого этнического сообщества. Актуальность настоящего исследования заключается в необходимости осмысления с позиции социальной антропологии способов и механизмов репрезентации убухской идентичности среди потомков кавказских махаджиров, проживающих в разных государственно-политических и социокультурных средах – в Турции, России и Абхазии. Актуальным исследование делает также заметный тренд последнего времени, а именно попытки конструирования различных форм групповой, в том числе этнической идентичности. Настоящее исследование помогает понять историко-культурные корни ревитализационных движений, формы и механизмы их реализации.

Степень разработанности темы исследования. В мировой и отечественной науке крайне мало работ, предмет исследования которых имел бы прямое или косвенное соприкосновение с проблематикой, очерченной в настоящей диссертации, а именно по современному этническому статусу потомков убухов, по протекающим в их среде процессам этнической ревитализации и конструированию идентичности. Среди таких исследований можно выделить знаковые труды лингвиста-кавказоведа В. А. Чирикбы¹, а

¹ Чирикба В. А. Расселение убухов на Кавказе и в Турции. Убухские этюды / В.А. Чирикба // Инал-ипа Ш. Д. Убухи. Историко-этнографические очерки. Приложение 2. Чирикба В. А. Убухские этюды. Сухум, 2015. С. 395–446; Чирикба В.А. Словарь убухских фамилий. Убухские этюды / В.А. Чирикба // Инал-Ипа Ш.Д. Убухи: Историко-этнографические очерки. Сухум: [Б.и.], 2015. С. 447–483.

также этнографа И. В. Кузнецова², в которых авторы рассматривают вопросы языка и расселения, а также анализируют современное положение потомков убыхов и некоторые возрожденческие проекты.

Что касается исторического убыховедения, то оно берет начало уже в самых ранних штудиях российского кавказоведения. Фокус работ этого периода направлен исключительно на вопросы локализации и военной организации убыхов: это труды И. А. Гюльденштедта³, этнографические публикации С. Т. Званбы⁴, лингвистические – П. К. Услара⁵. На более поздние годы приходится время плодотворной работы таких кавказоведов-лингвистов как А. Дирр⁶, Ю. Месарош⁷ и Х. Фогт⁸.

Центральное место в исследованиях убыхского языка занимает один из выдающихся специалистов по данной проблематике – Жорж Дюмезиль⁹. Изначальная увлеченность «сравнительной мифологией» и трифункциональной гипотезой построения протоиндоевропейского общества случайным образом знакомит французского лингвиста с потомками убыхов, проживающих в Турции. Среди большого числа информантов Дюмезиля особую известность получает Тевфик Эсенч. Выделяя его как «пуриста» и «лучшего убыхофона», Дюмезиль работает с этим информантом до конца своих дней. Такое сотрудничество порождает повышенный интерес со стороны академического сообщества, журналистов и писателей к фигуре «последнего убыха» Т. Эсенча, со смертью которого признано исчезновение убыхского языка.

Долгое время главным центром убыховедения оставался Париж, где продолжал работать ученик Дюмезиля Ж. Шарашидзе. Однако, со второй половины XX в. к

² Кузнецов И.В. Убыхи: границы, «вымирание», шаги к ревитализации / И.В. Кузнецов // Археология и этнография понтийско-кавказского региона. Вып. 5. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2016. С. 289–304.

³ Güldenstädt J.A. Reisen durch Russland und im Caucasischen Gebürge / Auf Befehl der Russisch-Kayserslichen Akademie der Wissenschaften herausgegeben von P. S. Pallas. Bd 1. St. Petersburg: Russisch-Kayserslichen Akademie der Wissenschaften, 1787.

⁴ Званба С.Т. Зимние походы убыхов на Абхазию / С.Т. Званба // газ. «Кавказ». № 33. Тифлис: тип. канц. Главноначальствующего гр. ч. на Кавказе, 1852. С. 136–138.

⁵ Услар П.К. О языке убыхов / Услар П.К. Этнография Кавказа. Языкознание. Абхазский язык. Тифлис: Типография Канцелярии Главноначальствующего гражданской частью на Кавказе, 1887. С. 75–102.

⁶ Dirr A. Die Stellung des Ubykhischen in den nordwestkaukasischen Sprachen, Aufsätze zur Kultur und Sprachgeschichte Ernst Kuhn zum 70 Geburtstag gewidmet. München: Breslau, 1916. Pp. 413–419; Dirr, A. Die Sprache der Ubychen: Grammaticische Skizze. Leipzig: Im Verlag der Asia Major, 1928.

⁷ Meszáros J. Die Päkhy-Sprache. Chicago, Illinois: The University of Chicago Press, 1934.

⁸ Vogt H. Dictionnaire de la langue oubykh avec introduction phonologique, index français-oubykh, textes oubykhs. Oslo: The Institute for Comparative Research in Human Culture, 1963.

⁹ Dumézil G. La langue des oubykhs (I, Grammaire; II, Textes traduits et commentés; III, Notes de vocabulaire). Paris: Honoré Champion, 1931; Dumézil G. Les gutturals de l'oubykh. In: Bulletin de la Société Linguistique de Paris 51. 1955. Pp. 176–180; Dumézil G. Contes et légendes des oubykhs. Paris: Institut d'ethnologie, 1957; Dumézil G. Documents anatoliens sur les langues et les traditions du Caucase. II. Textes Oubykhs. Paris: Institut d'ethnologie, 1962; Dumézil G. Documents anatoliens sur les langues et les traditions du Caucase. III. Nouvelles études oubykhs. Paris: Institut d'ethnologie, 1965; Dumézil, G., Esenç, T. Le verbe oubykh, études descriptives et comparatives. Paris: Librairie C. Klincksieck, 1975; Dumézil, G., Namitok, A. Le système des sons de l'oubykh. In: Bulletin de la Société Linguistique de Paris 50. 1954. Pp. 162–189; Dumézil G., Namitok A. Récits oubykh, I. In: Journal Asiatique. Vol. 243 (1). 1955. Pp. 1–46; Dumézil G. Namitok A. Récits oubykh, II. In: Journal Asiatique. Vol. 244 (4). 1956.

исследованиям подключаются канадский ученый Дж. Коларуссо¹⁰, британский кавказовед Дж. Хьюитт¹¹. После ослабления политики «железного занавеса» к полевым экспедициям присоединяются и отечественные исследователи, в числе которых лингвисты-кавказоведы М. А. Кумахов¹², В. А. Чирикба¹³, А. Квахадзе¹⁴. В самой Турции до недавнего времени с убыхами работала А. Сумру Озсой¹⁵ из Босфорского университета (Стамбул), инициировавшая в 1994 г. проведение международной конференции в память о Дюмезиле и Эсенче.

Продолжались исследования истории и этнографии убыхов. Эти вопросы освещены в трудах известных исследователей-кавказоведов Л. И. Лаврова¹⁶, Г. А. Климова¹⁷, Ш. Д. Инал-Ипы¹⁸, Н. Г. Волковой¹⁹, Е. П. Алексеевой²⁰, З. В. Анчабадзе²¹, Г. З. Анчабадзе²², уделивших внимание особенностям расселения убыхов, военному искусству, социальному строю, религиозному воззрению и ряду других аспектов их истории и культуры.

Особый интерес как для академического сообщества, так и активистов этнического ренессанса представляют исследования М. Х.-Б. Кишмахова: его кандидатская диссертация «Убыхский род Берзек и его абхазо-адыгские родословные ветви»²³, а также труд «Проблемы этнической истории и культуры убыхов»²⁴. Магомет Хаджи-Бекирович, основываясь на личных полевых исследованиях, восстанавливает генеалогические и этнокультурные связи рода Берзек.

После окончательного выхода из употребления убыхского языка и многочисленных

¹⁰ Colarusso J.A North West Caucasian Reader. Canada. 1999.

¹¹ Hewwit G. Encountering Ubykh(s). Archaeology and Ethnography of Pontic and Caucasian Area Vol. 5. Pp. 195–205.

¹² Кумахов М.А. Убыхский язык / М.А. Кумахов // Языки народов СССР. Т. 4. Иберийско-кавказские языки (Приложение). М.: Наука, 1967. С. 689–704.

¹³ Чирикба В. А. Расселение убыхов на Кавказе и в Турции. Убыхские этюды / В.А. Чирикба // Инал-ипа Ш. Д. Убыхи. Историко-этнографические очерки. Приложение 2. Чирикба В. А. Убыхские этюды. Сухум, 2015. С. 395–446; Чирикба В.А. Словарь убыхских фамилий. Убыхские этюды / В.А. Чирикба // Инал-Ипа Ш.Д. Убыхи: Историко-этнографические очерки. Сухум: [Б.и.], 2015. С. 447–483.

¹⁴ Грузинский учёный-адыговед... URL: <http://www.natpressru.info/index.php?newsid=9809> (дата обращения 27.01.2022)

¹⁵ Özsoy Özsoy, A. S. Proceedings of the Conference on Northwest Caucasian Linguistics. 10–12 October 1994. – Oslo: The Institute for Comparative Research in Human Culture, 1997 (Studia Caucasologica III).

¹⁶ Лавров Л.И. Убыхи. Историко-этнографическая монография / Л.И. Лавров. СПб.: Наука, 2009.

¹⁷ Климов Г.А. Новое в изучении убыхского языка / Г.А. Климов // ТАИЯЛИ. Вып. 30. Сухуми, 1959. С. 241–244.

¹⁸ Инал-ипа Ш. Д. Убыхи и их этно-культурные связи с абхазами / Ш.Д. Инал-ипа. Сухуми, 1971. С. 257–310.

¹⁹ Волкова Н. Г. Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII – начале XX в. / Н.Г. Волкова. М., 1974. 273 с.

²⁰ Алексеева Е.П. Древняя и средневековая история Карачаево-Черкесии / Е.П. Алексеева. М., 1971.

²¹ Анчабадзе З.В. История и культура древней Абхазии / З.В. Анчабадзе. М.: Наука, 1964.

²² Анчабадзе Г.З. «Книга путешествия» Эвлия Челеби как источник по истории горских народов Кавказа: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.09 / Анчабадзе Георгий Зурабович. Тбилиси, 1975. 14 с.

²³ Кишмахов М. Х.-Б. Убыхский род Берзек и его абхазо-адыгские родословные ветви: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.07. Нальчик, 2004. 30 с.

²⁴ Кишмахов М.Х.-Б. Проблемы этнической истории и культуры убыхов / М.Х.-Б. Кишмахов. Сухум; Карачаевск: Изд-во Абиги АН Абхазии, Карачаево-Черкесского гос. университета, 2012.

трансформаций этого уникального сообщества менялись и интересы исследователей. На смену поискам реликтов культуры и ее последних «аутентичных» носителей приходят все больше волнующие вопросы идентичности и возрождения потомков убыхов, отличающиеся от мира, знакомого убыховедам предшествующего поколения. Теоретизация этничности, а вместе с тем и вопросы идентичности отражены в работах как зарубежных, так и отечественных последователей конструктивистской парадигмы. Фундаментальным трудом по этому вопросу является опубликованный в 1967 г. и ставший уже классическим сборник под редакцией Ф. Барта «Этнические группы и социальные границы»²⁵. Неоспоримую важность для осмысления положений конструктивизма представляют также труды А. Коэна²⁶, Р. Коэна²⁷, Д. Горовица²⁸, Э. Хобсбаума²⁹, Р. Брубейкера³⁰, Б. Андерсона³¹, Т. Эриксона³², А. Виммера³³, подробный анализ концептов которых представлен в первой главе.

В российской академической среде термины «этничность», «этнические границы/маркеры», «этническая идентичность» дополнили понятий аппарат этнологии в конце 1980-х – начале 1990-х гг., создав тем самым конкуренцию отечественному «этносу». Среди исследователей, чье внимание обращено на осмысление конструктивистской научной парадигмы, выделяются В. А. Тишков³⁴, С. А. Арутюнов³⁵, С. В. Соколовский³⁶, С. В. Чешко³⁷ и еще ряд отечественных ученых.

Кроме того, историографический контекст работы составили исследования, основной

²⁵ Барт Ф. Введение // Этнические группы и социальные границы. Социальная организация культурных различий: сборник статей / Под ред. Ф. Барта / пер. с англ. И. Пилыцкова. М., 2006.

²⁶ Cohen A. Custom and Politics in Urban Africa: A Study of Hausa Migrants in Yoruba Towns. Berkeley, University of California Press. 1969.

²⁷ Cohen R. Ethnicity: Problem and Focus in Anthropology. Annual Review of Anthropology 7(1). 1979. Pp. 383–384.

²⁸ Horowitz D. Ethnic Groups in Conflict. Berkeley and Los Angeles: University of California Press. 1985.

²⁹ Hobsbawm E., Ranger T. The Invention of Tradition. Cambridge (Cambridgeshire). Cambridge University Press, New York. 1983.

³⁰ Брубейкер Р. Этничность без групп / Пер. с англ. И. Борисовой; Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». М., 2012. С. 132.

³¹ Андерсон Б. Воображаемые сообщества / Б. Андерсон. М., 2001.

³² Eriksen Th. Ethnicity and nationalism: Anthropological perspectives. 1993.

³³ Wimmer A. Ethnic boundary making: Institutions, power, networks. Oxford University Press. 2013.

³⁴ Тишков В.А. Да изменится молитва моя!...: О новых подходах в теории и практике межнац. отношений / В.А. Тишков. Ин-т этнографии АН СССР им. Н. Н. Миклухо-Маклая. – М.: Б. и., 1989; Тишков В. А. Советская этнография: преодоление кризиса / В.А. Тишков // Этнографическое обозрение. № 1. М., 1992. – С. 5–19; Tishkov, V. The Crisis in Soviet Ethnography // Current Anthropology. 1992. Vol. 33. No 4. P. 371–394; Tishkov V. Post-Soviet Ethnography. Not a Crisis by Something More Serious // Anthropology & Archeology of Eurasia. 1994. Vol. 33. No 3. P. 87–92.

³⁵ Арутюнов С.А. Этничность – объективная реальность (отклик на статью С.В. Чешко) / С.А. Арутюнов // Этнографическое обозрение. №5. М., 1995. С. 7–10.

³⁶ Соколовский С.В. Этничность как память: парадигмы этнологического знания / С.В. Соколовский // Этнокогнитология. Вып. 1. Подходы к изучению этнической идентификации. М., 1994. С. 11–31; Соколовский, С.В. Парадигмы этнологического знания / С.В. Соколовский // Этнографическое обозрение. № 2. М., 1994. С. 3–17.

³⁷ Чешко С.В. Человек и этничность / С.В. Чешко // Этнографическое обозрение. № 6. М., 1994. С. 35–49.

фокус которых обращен на конкретные случаи формирования этнической идентичности. На примере ингерманландских финнов³⁸, народов Севера и Сибири³⁹, а также ряда европейских кейсов⁴⁰ рассмотрены стратегии формирования этнического самосознания, характерные маркеры этнической идентичности, а также проанализированы практики ревитализационного движения.

Поскольку часть диссертационной работы посвящена анализу убыхских сообществ в Интернет-пространстве, опорными исследованиями в данном случае стали труды Джона Постилла⁴¹, в которых исследователь определяет онлайн-взаимодействие частью офлайн-контекста. Вместе с тем для осмысления процессов онлайн-мира ценность представляют работы цифровых антропологов Дэниела Миллера и Джолины Синанан⁴², акцентирующих внимание на культурной обусловленности социальных сетей, Кристиана Далсгаарда⁴³ и Паулы Уймонен⁴⁴, исследующих проявления идентичности в социальной сети Facebook*.

Характеристики источников. Используемые в исследовании источники можно разделить на семь тематических блоков.

Главным являются материалы интервью, собранные в ходе этнографических экспедиций и краткосрочных выездов в период с октября 2015 по август 2019 гг. в места расселения убыхов. В Турции полевая работа велась в гор. Стамбул, гор. Гёнен, сел. Тепеджик, сел. Караларчифтлиги, сел. Хаджи-Якуб, сел. Хаджи-Осман, сел. Дегирменбогази, гор. Бандырма (октябрь 2015 г.)⁴⁵. В России в августе 2018 г. была совершена экспедиция на историческую территорию Причерноморской Шапсугии, в аулы

³⁸ Коранов Д. Евангелическо-лютеранская церковь и этническая идентичность ингерманландских финнов в XIX в. // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. № 2(33). М., 2015. С. 198–217; Крылов П.В. «Спор за ингерманландское наследство»: конструирование ингерманландской идентичности традиционная финно-угорская культура и неоингерманландский оксидентализм в Санкт-Петербурге и Ленинградской области // Международный журнал исследований культуры. № 1. СПб., 2012. С. 66–75.

³⁹ Функ Д.А. Трансформация этнических идентификаций тюрков (аборигенов) юга Западной Сибири // Идентичность и конфликт в постсоветских государствах. М.: Carnegie Endowment for International Peace, 1997. С. 400–417; Функ Д.А. Формирование новых этнических идентичностей у тюрков юга Западной Сибири в 1980-е–первой половине 1990-х гг. (на примере бачатских телеутов) // Этнографическое обозрение. 1999. № 5. С. 109–128; Функ Д.А., Шаховцов К.Г. О современных процессах формирования этнической самоидентификации у селькупов Томской области // Этнография народов Западной Сибири. К юбилею доктора исторических наук, профессора З.П. Соколовой. М., 2000. С. 310–324.

⁴⁰ Филиппова Е.И. Территория идентичности в современной Франции. М., 2010. 300 с.; Киссер Т.С. Немцы Урала: этноистория и идентичность. СПб., 2019. 371 с.; Нойманн И. Использование «Другого». Образы Востока в формировании европейских идентичностей. М., 2004. 336 с.; Lahdili N., Ayhan E., Bingöl Y. Constructing Muslims' Identity In France's Public Discourse. International Refereed Journal On Social Sciences. Vol. 6, Issue 2. 2020. Pp. 116–125. и др.

⁴¹ Postill J. Localizing the Internet. Oxford: Berghahn, 2010.

⁴² Miller D., Sinanan, J. Visualising Facebook: A Comparative Perspective. London: UCL Press, 2017.

⁴³ Dalsgaard S. The Ethnographic Use of Facebook in Everyday Life // Forum for Anthropology and Culture. No. 26(1). 2016. P. 96–114.

⁴⁴ Uimonen P. Visual Identity in Facebook // Visual Studies. No. 28 (2). 2013. Pp. 122–135.

* Принадлежит компании Meta, признанной экстремистской организацией и запрещенной в РФ.

⁴⁵ Экспедиция проводилась в составе научного коллектива: В.И. Колесов, Р.Ш. Кузнецовой, М.Э. Сысоева, З.А. Хуако (Тлехурай).

Хаджико и Калеж ныне Лазаревского района Большого Сочи Краснодарского края⁴⁶; в ноябре 2019 г. состоялся выезд в г. Майкоп, Республика Адыгея. Работа с потомками убыхов велась и в Абхазии: в г. Гудаута (октябрь 2018 г.) и в г. Сухум (август 2019 г.)⁴⁷. Кроме того, в августе 2022 г. в пгт. Местиа (Сванетия, Грузия) было проведено экспертное интервью с лингвистом-кавказоведом Цирой Барамидзе, в ходе которого обсуждались вопросы состояния убыхского языка. В условиях эпидемии COVID-19 часть экспертных интервью была реализована благодаря таким средствам связи как Skype и WhatsApp. Среди них интервью с антропологом И. В. Кузнецовым, активистом убыхского языкового возрождения Али Берзегом, администратором сообщества по истории убыхов и убыхского языка Анзором Кунашем (январь 2020 г.). Результаты проведенной полевой работы отложились в значительном объеме фото-, аудио- и видео материала, который стал важнейшим источником исследовательского анализа проблемы.

Отдельный немаловажный блок источников представляют социальные сети Вконтакте, Instagram* и Facebook* (комп. Meta*), на просторах которых проводился мониторинг личных аккаунтов и сообществ убыхской тематики. Несмотря на официальный статус компании Meta как экстремистской организации, запрещенной на территории РФ, целесообразность исследования данных площадок определяется тем, что социальные сети полностью интегрированы в повседневную жизнь, а практики репрезентации «убыхства» в Интернет-пространстве выступают своего рода онлайн-отчетом об офлайн-действиях⁴⁸, а порой и вовсе катализатором событий. В связи с тем, что сегодня процесс убыхского возрождения перестает быть исключительно в офлайн, необходимо учитывать влияние указанных социальных сетей на ревитализационный процесс.

Следующий блок представлен архивными материалами, которые включают дела Государственного архива Краснодарского края и Центрального архива Министерства обороны РФ. Также в этот блок отнесены списки жителей 1-го Красно-Александровского аула, необоснованно привлеченных к уголовной ответственности в период 1930–1940-х годов, из личного архива С. М. Ушхо⁴⁹, списки жертв политического террора, доступные на портале «Мемориал». Весьма ценными оказались материалы личных архивов. Автор работала с материалами семейного архива С. Х. Черен, которые позволили документально проследить за перипетиями жизненного пути представителей семей российских убыхов.

⁴⁶ Экспедиция под руководством М.Э. Сысоевой совместно с А.Г. Агабабян.

⁴⁷ Экспедиция под руководством М.Э. Сысоевой совместно с А.Г. Агабабян.

* Принадлежит компании Meta, признанной экстремистской организацией и запрещенной в РФ.

⁴⁸ Сысоева М.Э. Интернет как площадка конструирования и трансляции убыхской идентичности // Альманах Конференции молодых ученых Института этнологии и антропологии РАН. Выпуск II. Т. 1. / Ответственные редакторы С.А. Орешин, П.А. Серин. М.: ИЭА РАН, 2021. С. 145-146.

⁴⁹ Нагучев Д.М. Мой аул Хаджико: Историко-этнологический очерк. Майкоп: Полиграф-Юг, 2009. С. 400–402.

Другого рода материалы были представлены в личном архиве А. С. Кизилова, в частности, ценная полевая информация, полученная во время экспедиции в ауле Хаджико Лазаревского района г. Сочи в сентябре 2015 г.

Материалы Всероссийской переписи населения 2002 и 2010 гг. отражают динамику численности убыхов в РФ, что в свою очередь наглядно демонстрирует результаты ревитализационных проектов.

Самостоятельное источниковое значение имеют материалы официально-нормативного характера. В этот блок я включаю административную переписку, которая отражала формальную позицию властей по современному положению убыхов: в моем распоряжении оказались, в частности, переписка открытого доступа, связанная с обсуждением вопроса о целесообразности их включения в Единый перечень коренных малочисленных народов РФ, официальные ответы федеральных и региональных органов власти на запросы по «убыхскому вопросу» и др. Среди других материалов: программные документы Некоммерческого фонда «Родовое объединение “Убых-Берзек”», судебные решения об открытии и ликвидации «убыхских» НКО. Для раскрытия темы важное значение имеют материалы, отражающие экспертные позиции по «убыхскому вопросу» российского научного сообщества, отраженные, в частности, в докладных записках руководства ведущих исследовательских и учебных организаций по запросам соответствующих административных органов.

Материалы СМИ и интернет-ресурсы представляют довольно весомый блок источников, среди которых издание «Газета Юга», освещающее новости и актуальные события Кабардино-Балкарской Республики с 1994 г. Благодаря опубликованной в этой газете статье об убыхском военном лидере Хаджи-Догомуко, активист возрожденческого движения Р. З. Берзеков узнал о знатном происхождении своего рода. Также ценным источником выступает YouTube канал журналиста Самары Саральповой⁵⁰, на котором размещены интервью с убыхскими активистами, документальная работа «Свет и цвет» об адыгском ученом М. А. Кумахове, посвященная его 80-летию, а также видео театральной постановки Абхазского государственного Молодежного театра по роману Баграта Шинкубы «Последний из ушедших» и др. Интерес представляют личные блоги ученых, среди которых персональный сайт Джорджа Хьюитта⁵¹ с фотографиями Тевфика Эсенча и материалами с времен работы в Хаджи Османе. Автору второго блога – лингвисту Оле Стигу Андерсену⁵² – напротив, не посчастливилось лично познакомиться с прославленным

⁵⁰ Самара Саральпова... URL: <https://www.youtube.com/user/Samarikful> (дата обращения: 10.06.2022).

⁵¹ George Hewitt... URL: <https://georgehewitt.net/> (дата обращения: 10.06.2022).

⁵² Оле Стиг Андерсен (ум. в 2019 г.) был не только лингвистом, но и занимался журналистской деятельностью, являясь автором блога о меньшинствах и языках Турции, публикуемом на личном сайте www.olestig.dk.

убыхофоном, вместо этого исследователь стал невольным участником похоронной процессии Эсенча.

Наконец, еще один источниковый блок представлен художественными артефактами, которые средствами разных видов искусства трактуют убыхскую проблему. Так, роман Б. В. Шинкубы «Последний из ушедших», популяризовавший представление об убыхах как исчезнувшем кавказском народе, и сегодня является одним из знаковых маркеров убыхского самосознания. Важное значение имеют художественные и документальные фильмы об убыхах, в частности Тевфике Эсенче. Среди таковых короткие видео записи Тевфика Эсенча во время его визита в РФ, документально-художественные фильмы Исмета Арасана “Son vubih”, внуков Т. Эсенча “Bir Rüya Gördüm, Anlatsam da Anlamazsınız” и фильм сочинских журналистов «150 лет в пути» о судьбе отечественных убыхов.

Объектом исследования выступают современные потомки убыхов, проживающие в Турции, РФ и Абхазии, а вместе с тем механизмы репрезентации их идентичности и практики современных ревитализационных движений.

Предметом исследования являются объективные и субъективные факторы формирования дискурса о деэтнизации убыхов и исчезновения убыхского языка; а также факторы и механизмы ревитализационного убыхского движения.

Хронологические рамки исследования охватывают XIX – начало XX вв. как время формирования научного представления об убыхах как исчезающем народе с вымирающим языком. Вместе с тем необходимо отметить второй период – с начала XXI столетия до текущей современности. Именно в это время изучаемые процессы приобрели наибольшую полноту и структурированную завершенность, а также стали очевидны как их результаты, так и возможные пути дальнейшей эволюции.

Цель и задачи исследования. Цель исследования – выявить механизмы конструирования и способы репрезентации убыхской идентичности.

Для достижения поставленной цели в работе решаются следующие исследовательские задачи:

- 1) рассмотреть конструктивистские исследования этничности;
- 2) выявить субъективные и объективные факторы процесса накопления и расширения академического знания об убыхах, определить роль исследователей в конструировании прошлого убыхов;
- 3) деконструировать сформировавшееся представление о «последнем убыхе», «последнем из ушедших» и другие историко-культурные мифологемы;
- 4) описать современный социокультурный статус убыхов Турции, РФ и Абхазии;
- 5) проанализировать современные стратегии конструирования убыхства и их

реализацию в формах и механизмах как «традиционных» практик, так и онлайн возрождения.

Научная новизна работы заключается в рассмотрении и анализе феномена ревитализации этничности на примере убыхского возрождения. Исследованы факторы и детерминанты возрожденческих процессов в разных социальных пространствах. Новизной исследования является анализ этих практик, реализуемых онлайн. Подробно описано, как «традиционные» техники этнического возрождения представлены в Интернете, каким способом формируется образ убыхского сообщества в виртуальном пространстве, к каким стратегиям обращается пользователь при репрезентации этничности своего аккаунта⁵³. Впервые деконструирован дискурс вымирания убыхов, а также определено влияние фигуры Тевфика Эсенча на современные проекты ревитализации убыхов. Представлены родословные потомков убыхов в Турции, России и Абхазии. В научный оборот введен полевой материал, собранный автором в составе экспедиционных групп в ходе выездов 2015–2022 гг.

Теоретическая и практическая значимость. Теоретическая сторона исследования подтверждает тезис о лабильности и ситуативности феномена этничности, который в историческом пространстве может проявляться в пульсирующем режиме затухания и возрождения своих сущностных черт. В практическом аспекте развенчание мифа исчезновения убыхов и представление актуальной ситуации о потомках этого кавказского народа разрушает сложившиеся стереотипы о забвении убыхов. Кроме того, описанные практики возрождения убыхов, а также те сложности, с которыми столкнулись активисты, описание стратегий сохранения идентичности и индивидуальных попыток сделать шаг в сторону ревитализации уникального языка, могут помочь в выработке мер для успешной реализации возрожденческих проектов малочисленных народов Российской Федерации.

Методология исследования. В данном исследовании я опираюсь на методологические положения конструктивизма, концепт которого выражен в том, что идентичность (в том числе этническая) является ситуативной и представляется как переменная, изменяющаяся в зависимости от определенных условий. Принимая во внимание внутреннюю неоднородность конструктивизма и множество подходов данной научной парадигмы, в качестве рабочей модели я ориентируюсь на концепт «этничность без групп» Роджерса Брубейкера. При исследовании этничности данный подход предлагает помещать в фокус внимания не этнические группы, а толкования, идентификации,

⁵³ Сысоева М.Э. Интернет как площадка конструирования и трансляции убыхской идентичности // Альманах Конференции молодых ученых Института этнологии и антропологии РАН. Выпуск II. Т. 1. / Ответственные редакторы С.А. Орешин, П.А. Серин. М.: ИЭА РАН, 2021. С. 145.

организации и акторов, формирующих эту этническую группу. Этничность должна и может быть рассмотрена исключительно в конкретном контексте и в отрыве от представлений об этнической группе как чём-то онтологически существующем. Следуя этому взгляду, в данном исследовании отдельно выделены и описаны способы репрезентации идентичности убухами, проживающими в России и Абхазии (вовлеченные в шапсугскую и абхазскую среду) и городах и селах Турции (среди турецкого большинства).

Методы исследования. Историческая часть исследования включает в себя не только описание историографии, но и анализ становления научного убуховедения, а вместе с тем дискурса исчезновения убухов и формирование трагически-символического образа «последнего убухофона». Основу этой науковедческой части исследования составляет принцип историзма, подробно описанный Джорджем Стокингом⁵⁴. Такой подход предлагает рассматривать исследуемый объект с учетом условий, в которых он формировался, а также во взаимосвязи с другими процессами и господствующими идеями времени. Следуя принципам историзма, восстанавливается история изучения убухов и убухского языка, а также выявляется роль исследователей в конструировании прошлого убухов и формировании дискурса исчезновения языка и народа.

В этнографической части исследования использованы качественные и количественные методы (материалы Всероссийской переписи населения, архивные документы, статистические данные и др.)⁵⁵. Эмпирическую основу составляют данные, полученные в ходе полевой этнографической работы во время длительных и кратковременных выездов. Сбор материала проводился открыто посредством интервьюирования информантов (имели место как индивидуальные, так и коллективные беседы, в которых одновременно участвовали двое и более информантов)⁵⁶ по заранее составленным вопросам (для выяснения биографических данных, генеалогии и др.) – *структурированное интервью*, а также с использованием метода углубленного интервью (*in-depth interview*), предполагающего диалог в свободной форме с целью выявления личностного отношения интервьюируемого⁵⁷ к какому-то конкретному аспекту темы – *полу- и неструктурированные интервью*⁵⁸. Последние удобны при изучении деликатных

⁵⁴ Stocking G. On the Limits of “Presentism” and “Historicism” in the Historiography of the Behavioral Science // Journal of the History of the Behavioral Sciences. 1965. Pp. 211–217.

⁵⁵ Сысоева М.Э. Интернет как площадка конструирования и трансляции убухской идентичности // Альманах Конференции молодых ученых Института этнологии и антропологии РАН. Выпуск II. Т. 1. / Ответственные редакторы С.А. Орешин, П.А. Серин. М.: ИЭА РАН, 2021. С. 144-145.

⁵⁶ O'Reilly, K. Ethnographic Methods. London, New York: Routledge, 2005. Pp. 154–187.

⁵⁷ Сысоева М.Э. Интернет как площадка конструирования и трансляции убухской идентичности // Альманах Конференции молодых ученых Института этнологии и антропологии РАН. Выпуск II. Т. 1. / Ответственные редакторы С.А. Орешин, П.А. Серин. М.: ИЭА РАН, 2021. С. 145.

⁵⁸ Bernard H.R. Research Methods in Anthropology: Qualitative and Quantitative Approaches. Lanham, New York, Toronto, Oxford, Rowman Altamira. 2006. Pp. 210–215.

тем: социальные конфликты, пережитые травмы, острые политические темы.

При проведении интервью были применены техники устного опроса – *Probing*, подробно описанные Расселом Бернардом. Преимущество данных техник заключается в том, что они способствуют личностной рефлексии и построению качественного, не травмирующего диалога, особенно когда речь идет о пережитых депортациях, семейных трагедиях и др. Техника «молчаливого исследования» (*“The Silent Probe”*⁵⁹) призывает сохранять спокойствие и терпеливо ждать от информанта продолжения рассказа. Стоит отметить, что она довольно сложная и применима только в тех случаях, когда темп речи говорящего спокойный и размеренный, в иных же ситуациях из-за чрезмерного молчания этнографа велик риск потери доверия информанта. Умеренное использование техники «эхо» (*“Echo Probe”*), заключающейся в повторении последних фраз говорящего, и «утвердительно-кивающего/поддакивающего» (*“The Uh-huh Probe”*) позволяют не только побудить информанта к продолжительному рассказу, но и проявить вовлеченность исследователя в беседу, расположить к себе говорящего, завоевать его доверие и нивелировать возможную неловкость.

Обсуждению деликатных тем способствует техника «поэтапного утверждения» (*“Phased-Asserting Probe”*), заключающаяся в том, чтобы помочь информанту открыться, демонстрируя свою осведомленность в этом вопросе/ затрагиваемой ситуации. Так, когда заходили темы о семейных конфликтах или пережитых репрессиях и депортациях, я делала «намекы», что понимаю, о чем идет речь, называла имена некоторых участников этих событий, что позволяло мне стать «своей» в обсуждении глубоко личной истории. Кроме того, применялись и довольно распространенные техники «длинных вопросов» (*“Long Question Probe”* и *“Tell-Me-More Probe”*), позволяющие добиться продолжительных и непрерывных ответов, а также поддержать разговор и продемонстрировать собственный интерес.

Поскольку сегодня процесс убыхского возрождения – это явление, имеющее место одновременно в двух плоскостях – на просторах Всемирной сети и офлайн, вышеописанные этнографические методы⁶⁰ я «примерила» / адаптировала и к онлайн полю⁶¹. Реализовать включенное наблюдение в киберсреде не удавалось, но «классические» этнографические

⁵⁹ Техника *The Silent Probe* и остальные описанные почерпнуты из теоретико-методологической работы: Bernard H.R. *Research Methods in Anthropology: Qualitative and Quantitative Approaches*. Lanham, New York, Toronto, Oxford, Rowman Altamira. 2006. Pp. 217–223.

⁶⁰ Сысоева М.Э. Интернет как площадка конструирования и трансляции убыхской идентичности // Альманах Конференции молодых ученых Института этнологии и антропологии РАН. Выпуск II. Т. 1. / Ответственные редакторы С.А. Орешин, П.А. Серин. М.: ИЭА РАН, 2021. С. 145.

⁶¹ Postill J., Pink S. *Social Media Ethnography: The Digital Researcher in a Messy Web*. Media International Australia Vol. 145, Issue 1. 2012. Pp.123–134.

методы работают и в онлайн пространстве⁶². Так, проведение экспертных интервью с представителями академической среды, администраторами виртуальных сообществ и активистами этнического ренессанса с использованием таких инструментов связи как Zoom, Skype и WhatsApp мало отличается от сбора материала в «реальном» поле в его классическом понимании⁶³. «Присутствие» этнографа было достигнуто благодаря тому, что приоритетным способом общения мной выбраны видео сессии. Кроме того, визуальный контакт интервьюера и интервьюируемого представляется важным и качественно отражается на исследовании. Стоит отметить, что столь «нетрадиционный» сбор материала мало отличается от классической полевой работы этнографа, однако нужно быть готовыми к быстрому реагированию в случае технических неполадок (запаздывание звука и интернет-соединения)⁶⁴.

Положения исследования, выносимые на защиту.

1. «Мифологизация» истории и культуры убыхов способствовала зарождению дискурса об исчезновении этого кавказского народа. Во многом на формирование этих представлений оказали влияние пессимистические прогнозы Л. И. Лаврова и других советских и современных исследователей относительно численности как турецких, так и российских убыхов. Тем не менее, эти искаженные представления прочно укрепили свои позиции и находят выражение не только в общественном дискурсе, но в политике российского государства, отказывающего убыхам в получении статуса коренного малочисленного народа.

2. Тесное сотрудничество Ж. Дюмезиля и Т. Эсенча повлияло на формирование убыхского мифа. Лингвист наделил своего информанта статусом «лучшего и единственного убыхофона», усилив знаковость фигуры Тевфика и закрепив за ним статус *the last native speaker*. Смерть Т. Эсенча в 1992 г. привела к официальному признанию убыхского языка исчезнувшим.

3. Современным потомкам убыхов в Турции свойственна многоуровневая, плавающая идентичность, в которой собственно убыхская занимает второстепенное место. Однако несмотря на доминирование турецкой языковой и культурно-бытовой среды, убыхская идентичность хоть и слабо выражена, но не исчезла совсем, а ряд социокультурных факторов способствует ее актуализации.

⁶² Markham A.N. Fieldwork in social media: What would Malinowski do? *Qualitative Communication Research*, 2 (4). Pp. 434–446.

⁶³ Сысоева М.Э. Интернет как площадка конструирования и трансляции убыхской идентичности // Альманах Конференции молодых ученых Института этнологии и антропологии РАН. Выпуск II. Т. 1. / Ответственные редакторы С.А. Орешин, П.А. Серин. М.: ИЭА РАН, 2021. С. 145.

⁶⁴ Там же.

4. Несмотря на сохранение знания в среде российских убыхов об их порой весьма легендарном наследии и поиск возможных способов транслирования собственной идентичности, смежное проживание с шапсугами и абхазами, а также бытовая вовлеченность в проблемы данных сообществ порождают многоступенчатость в самоопределении, внутри которой убыхи воспринимаются не автономным сообществом, а скорее частью адыгского/черкесского и абхазского культурного мира. Идентифицируя себя, в первую очередь, с шапсугами и абхазами, наследуемой убыхской идентичности в повседневной жизни отводится второстепенное место.

5. Актуальными становятся альтернативные способы выражения убыхской идентичности, при которых язык перестает занимать главенствующее положение, уступая «новым» культурным кодам. Так, идентичность репрезентируется в том числе и через использование соответствующих никнеймов, хэштегов, а также через поиски родственных связей с представителями убыхских родов.

6. Поскольку сегодняшние потомки кавказских махаджиров существуют разрозненно в обыденной жизни, создание этнического онлайн-сообщества позволяет быть вовлеченными в дела своей группы, а проявляемая сетевая активность становится своего рода компенсацией дефицита офлайн-участия в жизни своего народа⁶⁵.

Степень достоверности и апробация выводов исследования. Основные выводы диссертации апробированы в 17 публикациях, четыре из которых изданы в журналах, входящих в перечень рецензируемых научных изданий Высшей аттестационной комиссии (ВАК).

Статьи «Facebook* как поле: анализ убыхских онлайн-сообществ» (Этнография, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, № 3 (13), 2021), «Хэштеги и этничность» (Этнография, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, № 3(9), 2020) и «Интернет как площадка конструирования и трансляции убыхской идентичности» (Альманах Конференции молодых ученых Института этнологии и антропологии РАН. Выпуск II. Т. 1, 2021) частично отражают теоретико-методологические аспекты исследования.

Материалы исследования, касающиеся проблем ревитализации убыхского языка и идентичности, а также истории изучения убыхов были апробированы в докладах на конференциях российского и международного уровней. Среди них за последние пять лет: XLIV, XLV Лавровские (Среднеазиатско-кавказские) чтения–2022 (МАЭ РАН, г. Санкт-

⁶⁵ Сысоева М.Э. Интернет как площадка конструирования и трансляции убыхской идентичности // Альманах Конференции молодых ученых Института этнологии и антропологии РАН. Выпуск II. Т. 1. / Ответственные редакторы С.А. Орешин, П.А. Серин. М.: ИЭА РАН, 2021. С. 150.

* Принадлежит компании Meta, признанной экстремистской организацией и запрещенной в РФ.

Петербург, 2021 и 2022 гг.); XIII, XIV Конгресс антропологов и этнологов России (КАЭР) (г. Казань, 2019; г. Томск, 2021 гг.); Ежегодная научная конференция МАЭ РАН «Радловские чтения» (г. Санкт-Петербург, март 2020 и 2021 гг.); Конференция молодых ученых «Актуальные вопросы этнологии и антропологии» (ИЭА РАН, г. Москва, ноябрь 2020 г.); Среднеазиатско-Кавказский семинар ИЭА РАН (г. Москва, март 2021 г.); XI, XII международная научная конференция Российской ассоциации исследователей женской истории и ИЭА РАН (октябрь 2018 и 2019 гг.); Семинар отдела этнографии Кавказа МАЭ РАН (Кунсткамера) «Кавказ: перекресток культур» (г. Санкт-Петербург, ноябрь 2019 г.); Международная научная конференция «Медиатизация культуры: конструирование новых текстов и практик» (декабрь 2018 г.).

Кроме того, вопросы истории и этнографии убыхов были рассмотрены в рамках научных проектов: «Этнический ренессанс: возрождающиеся народы на Северо-Западном Кавказе» (РФФИ № 18-39-00160 2018-2020 гг., рук. М. Э. Сысоева); «Виртуальная этничность и киберэтнография: новация на фоне традиции» (РНФ № 18-78-10077 2018-2021 гг., рук. С. Ю. Белоруссова); «Вымирание малых народов: факторы, дискуссии, ревитализация» (РНФ № 15-18-00008 2015-2017 гг., рук. С. А. Арутюнов).

Структура работы. Диссертация состоит из 4 глав, включающих 10 разделов, заключения, списка использованных источников и литературы, а также двух приложений.

Первая глава «**Этничность как исследовательский концепт**» посвящена истории становления конструктивистской научной парадигмы, в центре внимания которой оказалось изучение «этничности». Рассуждая о природе данного феномена Фредерик Барт призывает коллег обратить внимание именно на самоидентификацию, т.е. сместить фокус с внешних поведенческих отличий на то, как члены группы утверждают свою принадлежность. Развивая, а порой и вовсе оспаривая бартовский подход к пониманию этничности, к дискуссии о сущности данного феномена присоединяется внушительное число исследователей. Постепенно термины «этничность», «этнические границы/маркеры», «этническая идентичность» дополнили понятий аппарат российской этнологии в конце 1980-х – начале 1990-х гг., создав тем самым конкуренцию отечественному «этносу».

Вторая глава «**Убыхи и убыхский язык в академических исследованиях**» представляет собой историографический блок, в котором анализируется как в научной мысли зарождалось представление об исчезновении убыхов. В разделе **2.1. «Краткий исторический очерк»** описываются события второй половины XIX в., в которых особое внимание уделено положению убыхов на завершающем этапе Кавказской войны, а также их трагическому исходу с родных земель. Представлено этнографическое описание

социального строя, религии и языка убыхских обществ. Покинув Северо-Западный Кавказ, убыхи расселялись в селах различных вилайетов Османской империи, многие из которых до сих пор носят двойные названия – официальное турецкое и адыгское/ убыхское/ абхазское, зачастую «привезенное» с Кавказа. Убыхский язык начал выходить из употребления еще на родине, сохраняясь лишь в наиболее изолированных обществах. В прибрежных аулах Черноморского побережья население говорило на абхазском и адыгейском языках, и только в горных обществах функционировал убыхский. Убыхам было свойственно многоязычие, на которое указывали ещё Э. Челеби и Дж. Бэлл. Однако переселение в Турцию привело к тому, что большинство убыхов, поселившись удаленно от абхазов, быстро забыли абхазский язык, хотя в некоторых населенных пунктах сохранилось убыхо-абхазское двуязычие⁶⁶. Окончательным выходом из употребления убыхского языка признан 1992 г., дата смерти лучшего убыхофона Тевфика Эсенча. Раздел **2.2. «История изучения вопроса»** описывает становление убыховедения в мировой и отечественной науке, включающего как кабинетные изыскания, так и этнографические материалы ранних путешественников и представителей академического сообщества и даже современные генетические исследования. В разделе **2.3. «От убыхов Л. И. Лаврова к “последнему из ушедших”»** показано как представления выдающего кавказоведа Леонида Ивановича Лаврова повлияли на дальнейшие исследования убыхского вопроса в отечественной науке. Автор приходит к выводу, что пессимистические прогнозы ученых относительно численности турецких убыхов не совпадают с настоящим положением. Кроме того, дискурс вымирания опережал реально происходящие процессы, предвещая выход из употребления убыхского языка и предшествуя исчезновению самих убыхов. Такая ситуация во многом стала возможной в виду господствующих (устаревших) представлений о незыблемости этнических границ и стабильности культурных реалий, отраженных на страницах как ранних авторов, так и ряда советских кавказоведов. В разделе **2.4. «Роль Жоржа Дюмезиля в конструировании убыхов»** рассмотрено как долгое и плодотворное сотрудничество французского лингвиста Жоржа Дюмезиля и его главного информанта Тевфика Эсенча способствует выделению последнего среди других носителей языка, возводя его в статус «лучшего и единственного убыхофона». Как следствие порождается повышенный интерес к фигуре Эсенча со стороны академического сообщества, писателей и журналистов, Несмотря на тот факт, что в годы его жизни в убыхских сёлах также были убыхофоны, по уровню владения языком, не уступающие прославленному информанту, за Эсенчем прочно укрепился статус *the last native speaker*. В целом, деятельность Ж. Дюмезиля спровоцировала новый всплеск академического интереса к судьбе «исчезнувшего» народа.

⁶⁶ Чирикба В. А. Убыхские этюды. С. 403.

Третья глава «Современные потомки убыхов и феномен Тевфика Эсенча» основана на авторских полевых материалах периода 2015–2022 гг. Раздел **3.1. «Потомки убыхов в Турции»** написан по итогам этнографической экспедиции автора в места расселения убыхов в Турции (гор. Гёнен, сел. Тепеджик, сел. Караларчифтлиги, сел. Хаджи-Якуб, сел. Хаджи-Осман, сел. Дегирменбогази, гор. Бандырма) и включает четыре блока: расселение, социальные отношения, семейные отношения, язык и идентичность. Особое внимание уделено генеалогиям убыхских семей, через которые показаны те изменения, которые происходили с языком и идентичностью убыхов. Автор приходит к заключению, что трагические последствия переселения и кемалистская политика, которая была в том числе направлена на поддержание главенства турецкого языка и сопровождалась запретом иноязычия, привела к вытеснению убыхского. Современным потомкам убыхов в Турции характерно несколько уровней идентичности: «турки» (по паспорту гражданина Турции), «кавказцы» / «черкесы» (в отношениях с турецким большинством); и лишь потом «убыхи», что понимается как принадлежность к одной из групп адыгов, наравне с шапсугами, бжедугами и др. (в случаях коммуникации с другими представителями черкесского сообщества в Турции). Кроме того, к настоящему времени потомки убыхов, проживающие в Турции, глубоко интегрированы в турецкое общество. Тем не менее, несмотря на доминирование турецкой языковой среды, убыхская идентичность хоть и слабо выражена, но не исчезла совсем. Раздел **3.2. «Потомки убыхов в России и Абхазии»** также основан на полевых материалах автора, собранных в ходе этнографических экспедиций в 2018–2019 гг. Через описание положения конкретных убыхских семей – Черен, Ушхо, Тхагушевы, Пшеноковы, проживающих в адыгском, шапсугском и абхазском окружении, автор анализирует актуальные стратегии сохранения и позиционирования убыхской идентичности. Несмотря на то, что среди представителей указанных семей нет тех, кто бы говорил по-убыхски или хотя бы понимал/ помнил отдельные слова или фразы, в целом данный факт вовсе не свидетельствует об утрате идентичности. Презентация себя видится возможной и посредством иных культурных феноменов: историческая память, восстановление генеалогии семьи, а также получение в Абхазии паспорта с указанием национальной принадлежности «убых». Раздел **3.3. «Тевфик Эсенч как символ убыхства»** описывает процесс, приведший к популяризации личности Тевфика Эсенча, который после своей смерти обрел звание “Son vubih” («последний убых»), высеченное на плите его надгробия, белеющего на кладбище родного села Хаджи-Осман. Сотрудничество с Жоржем Дюмезилем и другими исследователями, а также внимание к его фигуре со стороны журналистов, режиссеров и писателей не только утвердило статус «лучшего убыхофона», но способствовало распространению мифа о «последнем убыхе», актуального

по сей день. Кроме того, в общественном сознании по-прежнему кончина Эсенча сопряжена со смертью убыхского языка.

Глава 4 «Стратегии конструирования убыхства: от “традиционных” практик к онлайн-возрождению» основана на анализе движений за ревитализацию убыхского языка и самосознания, имеющих место как в обыденной жизни, так и на просторах Интернета. Раздел 4.1. «Проекты ревитализации убыхской идентичности» основан на полевых материалах автора и представляет анализ возрожденческих проектов второй половины XX – начала XXI вв. Основной фокус внимания сосредоточен на деятельности Некоммерческого фонда «Родовое объединение “Убых-Берзег”» и стремлении его основателя, Р. З. Берзекова, восстановить и юридически закрепить утраченную идентичность предков на законодательном уровне, т.е. фактически добиться включения убыхов в Единый перечень коренных малочисленных народов РФ. Получив череду отказов от российских властей в признании убыхов «этносом» и пребывая в поиске дополнительных механизмов легитимации «убыхства», Р. З. Берзиков приходит к новому вектору конструирования идентичности – религиозному возрождению. Имеет также место и языковая ревитализация: появляются учебники и словари убыхского языка, читаются курсы по убыхской грамматике. Однако лингвисты скорее пессимистичны в своих оценках состояния и возможного спасения убыхского языка. В раздел 4.2. «Убыхские онлайн-сообщества в Facebook*» представлен анализ убыхских групп в социальной сети, которые автор условно подразделяет на пять видов: 1) родовые сообщества; 2) земляческие группы; 3) языковая ревитализация; 4) группы по истории и культуре убыхов; 5) академические площадки. Наличие подобных площадок в Интернет пространстве создает эффективные инструменты поддержания социальных связей, формирует территорию постоянного общения без привязки к физическому местонахождению. Раздел 4.3. «Хэштеги и никнеймы как инструменты конструирования этничности» основан на анализе аккаунтов в социальных сетях с применением методов цифровой антропологии. Автор обращает внимание на использование альтернативных способов выражения убыхской идентичности – хэштегов и никнеймов. Виртуальная реальность позволяет, минуя все сложности (бюрократия в случае со сменой фамилии и т.д.), воплотить в сети Интернет то, что не представляется возможным в оффлайн. В отличие от данного при рождении имени, виртуальное выбирается самостоятельно и, присваивая себе определенный ник, пользователь имеет возможность сообщить о себе желаемую информацию, в том числе и выразить свою идентичность. Посредством хэштегов потомки кавказских махаджиров, а

* Принадлежит компании Meta, признанной экстремистской организацией и запрещенной в РФ.

также активисты ревитализационного движения создают тематически единое пространство, привлекая тем самым сторонних пользователей. Увеличивающаяся частота применения «убыхских» хэштегов свидетельствует об актуальности и неугасающем интересе к убыхскому вопросу, несмотря на господствующее представление об исчезновении сообщества.

В заключении представлены основные выводы диссертации.

Убыхи и убыхский язык более трех столетий привлекают к себе внимание путешественников, краеведов-любителей, журналистов, а также представителей академического сообщества. При этом процесс накопления академических знаний в убыховедении имел ряд особенностей. Отечественные авторы писали об убыхах как исчезнувшем народе, который героически сопротивлялся царскому завоеванию Кавказа, но, покинув родину, окончательно сошел с исторической арены. «Научный миф» об исчезновении этого кавказского народа нашел и художественное воплощение в ярких произведениях литературы и артефактах визуального искусства, что оказало сильное влияние на зарождение дискурса о последнем убыхе и исчезновении этого сообщества. В это же время убыхские штудии развивались и в зарубежном кавказоведении. Здесь основное внимание уделялось изучению уникального языка, вследствие чего многие зарубежные лингвисты-кавказоведы вели интенсивные полевые изыскания в убыхских селах в Турции, опровергая тем самым тезис об исчезновении этого кавказского народа. Тем не менее с уходом из жизни «последнего убыхофона» Т. Эсенча западные исследователи стали говорить и вовсе о смерти убыхского народа.

В действительности, вопрос видится куда более сложным. Конечно, депортация (которой убыхи подвергались трижды) нанесла катастрофический удар по этнической структуре народа. Однако махаджирство стало лишь катализатором в завершении начавшегося еще на Кавказе процесса интеграции в соседние сообщества: убыхи «обабхазивались», находясь в садзко-абхазском окружении, и «очеркешивались», соседствуя с адыгами (шапсугами), абадзехами и даже кабардинцами⁶⁷. Следствием такого смежного и чересполосного проживания в населенных пунктах Османской империи стало как минимум двуязычие убыхов, с постепенным вытеснением родного языка сперва адыгской речью, а после и вовсе официальным государственным турецким языком. Во многом это также явилось следствием урбанизации: в городах повсеместно предпочтение отдавалось турецкому языку, поэтому среди образованной убыхской молодежи мало даже тех, кто свободно владеет адыгейским (абхазским) языком, не говоря уже об убыхском.

В то же время, согласно полевым материалам, видно, как параллельно языковому

⁶⁷ Кузнецов И.В. Убыхи: границы, «вымирание», шаги к ревитализации. С. 299–300.

сдвигу в Хаджи-Якубе и Хаджи-Османи шел бурный процесс внутрисельской консолидации, выразившийся в формировании сильных сетевых связей⁶⁸, что противоречит сложившемуся представлению об исчезновении турецких убыхов. Сложившаяся ситуация находит отражение в многоуровневой идентичности современных потомков убыхов: в отношениях с турками они определяют себя «кавказцами» или «черкесами» в то время, как в коммуникации с представителями черкесского сообщества конкретизируют, называя себя убыхами. По современным оценкам в Турции насчитывается около 15-20 тыс. потомков кавказских махаджиров-убыхов⁶⁹.

Вместе с тем и признание факта исчезновения языка не влечет за собой утрату убыхской идентичности, напротив, даже в отсутствии родного языка, формируется и укрепляется «своя» собственная идентичность, о чем свидетельствуют ревитализационные практики, начавшиеся в среде турецких убыхов во второй половине XX в. При этом этничность, в сущности новая, поскольку в прошлом могло и не существовать ее аналога, реализуется через культурные феномены иные чем язык: историческую память, получение «убыхского» паспорта, культуру, религиозную ревитализацию, сообщества в социальных сетях и др. Так, весьма актуальной оказывается тема исторической родины, а также разнообразное конструирование ее образов. В Хаджи-Османи местный житель «украсил» забор своего дома родовыми знаками и флагом Республики Адыгея, утвержденным в 1992 г. В портовом городе Бандырма (побратимом абхазской Гудауты) популярно кафе кавказской кухни с одноименным названием «Kafkas».

В среде российских и абхазских убыхов сложилась довольно схожая ситуация репрезентации своей идентичности. Несмотря на сохранение знания об их убыхском наследии (порой весьма легендарном) и поиск возможных способов транслирования собственной идентичности, все же смежное проживание с шапсугами и абхазами, а также бытовая вовлеченность в проблемы данных сообществ порождают многоступенчатость в самоопределении, внутри которой убыхи воспринимаются не автономным сообществом, а скорее частью адыгского/черкесского и абхазского культурного мира. Идентифицируя себя, в первую очередь, с шапсугами и абхазами, наследуемой убыхской идентичности в повседневной жизни отводится второстепенное место: о прошлом вспоминают в моменты редких встреч с исследователями и журналистами, а память об убыхском происхождении сохраняется лишь внутри семьи.

В тоже время, во второй половине прошлого века наметился некоторый этнический ренессанс. Актуализация убыхской идентичности первоначально принимал характер ее

⁶⁸ Кузнецов И.В. Убыхи между «вымиранием» и возрождением... С. 119.

⁶⁹ Чирикба В.А. Убыхские этюды. С. 412.

знакового манифестирования: в 1960-е гг. начался процесс возвращения первоначальных убыхских фамильных имен, кроме того довольно популярной практикой стало получение в Абхазии «убыхского» паспорта с соответствующей записью в графе «национальность». В данном контекста значима и показательна активистская деятельность представителей рода Берзек, направленная на юридическое закрепление «убыхства» на законодательном уровне. В дальнейшем, Р. З. Берзеков, находясь в поиске дополнительных механизмов легитимации «убыхства», приходит к новому вектору конструирования идентичности – религиозному возрождению через абхазский контекст. Так, Заручившись поддержкой верховного жреца Абхазии ныне покойного Заура Чичбы, 20 февраля 2020 г. Руслан Заудинович провозглашается полноправным жрецом некогда убыхского святилища Бытха⁷⁰.

Между тем, убыхское возрождение зачастую сталкивается с силами противодействия. Имея довольно внушительное число сторонников деятельности Р. З. Берзекова, далеко не все соглашаются с целесообразностью задуманного. Одни, разочаровавшись в политической системе, лишены надежды положительного исхода, другие же и вовсе в репрезентации своей идентичности отталкиваются от имеющегося гражданского паспорта. Развернувшееся перед Всероссийской переписью населения движение *#яЧеркесАты?* и вовсе призывает убыхов записываться не иначе как «черкесами», опасаясь убыхского «сепаратизма» в рамках адыгского единства. Наконец, российские власти отказывают убыхам в признании за ними статуса коренного народа, ссылаясь то на нецелесообразность в виду малочисленности, то и вовсе отрицая существование такого «этноса».

Интересно, как вместе с ревитализационным движением за признание статуса убыхов уживается представление о «последнем убыхе» Тевфике Эсенче. Знаковость его фигуры как для современников, так и потомков не оставляет сомнений. Именно сотрудничество с французским лингвистом Жоржем Дюмезилем способствует выделению хаджиосмановца среди других носителей языка, возводя его в статус «лучшего и единственного убыхофона», и как следствие порождает повышенный интерес к его фигуре со стороны академического сообщества, писателей и журналистов. Несмотря на тот факт, что в годы жизни Эсенча в убыхских сёлах также были убыхофоны, по уровню владения языком не уступавшие прославленному информанту, за ним прочно укрепился статус *the last native speaker*.

Гораздо успешнее убыхское возрождение протекает в интернет-пространстве. Наравне с зачастую безуспешными указанными «традиционными» практиками, символическая легитимность статуса потенциальных убыхов достигается путём онлайн-возрождения, формируя во Всемирной сети символическое этническое сообщество,

⁷⁰ Представления о культуре Бытхи распространились во многом благодаря роману Б.В. Шинкубы «Последний из ушедших», повествующему о трагическом исходе убыхов в Османскую империю.

объединяющее потомков убыхов вне зависимости от их современного расселения. Инструментами репрезентации идентичности в данном случае выступают участие в тематических группах в социальных сетях, электронные адреса, а также никнеймы и хэштеги. Поскольку сегодняшние потомки кавказских махаджиров существуют разрозненно в обыденной жизни, создание подобного этнического онлайн-сообщества позволяет оставаться вовлеченными в актуальные дела, а проявляемая сетевая активность становится своего рода компенсацией дефицита офлайн-участия в жизни своего народа.

Таким образом, пессимистические прогнозы Л. И. Лаврова, Ж. Дюмезиля и других отечественных и зарубежных исследователей относительно численности и идентичности убыхов не совпадают с настоящим положением. Пережив период «забвения», потомки убыхов ныне во многом переживают этап ревитализации этнической идентичности. Этот процесс, начавшийся практически одновременно в зонах их проживания – в Турции, России и Абхазии, реализуется через традиционные механизмы институализации этнической группы (в РФ – через притязания на признание коренным малочисленным народом). Однако гораздо эффективнее конструирование этничности выстраивается через социальные сети, где потомки убыхов и считающие себя таковыми объединены онлайн пространством, которое дает возможность ощутить личную сопричастность к истории, языку и культуре. Убыхский случай свидетельствует, что современные средства коммуникации, возможность беспрепятственного получения, потребления и трансляции информации представляются мощными механизмами сложения разнообразных сообществ и объединений, формированию горизонтальных, неформальных связей между группами людей, в том числе в рамках специфических этнических и культурных конструкторов.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях автора:

Статьи, опубликованные в рецензируемых изданиях, рекомендованных ВАК при Министерстве науки и высшего образования РФ:

1. Facebook* как поле: анализ убыхских онлайн-сообществ // Этнография. Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, № 3 (13). СПб., 2021.
2. Хэштеги и этничность // Этнография, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, № 3(9). СПб., 2020. С. 33–61. (в соавторстве с С.Ю. Белоруссовой, Е.Н. Даниловой).

* Принадлежит компании Meta, признанной экстремистской организацией и запрещенной в РФ.

3. Между шапсугами и абхазами: актуализация идентичностей убыхской фамилии Чёрен // Этнографическое обозрение. № 5. 2020. С. 110-127. (в соавторстве в А.Г. Агабабян).

4. «#Убыхи_есть»: медиастратегии конструирования этнической идентичности // Известия СОИГСИ, Владикавказ, 31 (70). 2019. С. 73–93. (в соавторстве в А.Г. Агабабян).

Публикации в других научных изданиях:

5. Сысоева М.Э. Концепции, методы и опыт этнографических исследований в онлайн пространстве (Рец. на: Головнёв А.В., Белоруссова С.Ю., Киссер Т.С. Виртуальная этничность и киберэтнография. СПб: МАЭ РАН, 2021. 280 с.) // Этнографическое обозрение. № 5. 2022. С. 238–242.

6. Стратегии конструирования убыхства: от «традиционных» практик к онлайн-возрождению // Материалы VI международного конгресса кавказоведов. Местиа, 2022. С. 357–358.

7. Интернет как площадка конструирования и трансляции убыхской идентичности // Альманах Конференции молодых ученых Института этнологии и антропологии РАН. Выпуск II. Т. 1. / Ответственные редакторы С.А. Орешин, П.А. Серин. М.: ИЭА РАН, 2021. С. 143–151.

8. Вклад женщин в кавказоведение (на примере убыхских исследований) // Женское и мужское в традиционной и современной культуре: сохранение, фиксация, понимание. Материалы XIII международной научной конференции РАИЖИ и ИЭА РАН. В 2-х частях / Отв. ред. Н.Л. Пушкарева, сост. А.И. Громова. М.: ИЭА РАН, 2020, Ч. 2. С. 93–96.

9. Стратегии интеграции убыхских групп в османское общество в конце XIX – начале XX века (гендерный анализ) // Женщины и мужчины в миграционных процессах прошлого и настоящего: материалы XII международной научной конференции: в 2 ч. / отв. ред. Н. Л. Пушкарева, И. О. Дементьев, М. Г. Шендерюк. М.: ИЭА им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН; Калининград: Изд-во БФУ им. И. Канта, 2019. Ч. 2. С. 19–23.

10. «Как найти убыхов?»: хэштеги и никнеймы как инструмент самопрезентации // XIII Конгресс антропологов и этнологов России: сб. материалов. Казань, 2–6 июля 2019 г. / Отв. ред.: М.Ю. Мартынова. Москва; Казань: ИЭА РАН, КФУ, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2019. С. 443.

11. Роль женщин в процессе // Горожанки и горожане в политических, экономических и культурных процессах российской урбанизации XIV–XXI веков. Материалы XI международной научной конференции РАИЖИ и ИЭА РАН. В 2-х томах / Отв. ред. Н.Л. Пушкарева, сост. Н.А. Гронская, Н.К. Радина. М.: ИЭА РАН, 2018, Т. 1. С. 359-361.

12. Современные потомки убыхов и наследие Дюмезиля-Эсенча // Вестник науки Адыгейского республиканского института гуманитарных исследований им. Т.М. Керашева,

Адыгейский республиканский институт гуманитарных исследований имени Т.М. Керашева, Майкоп, 2017. 12 (36). С. 144–146.

13. Проекты ревитализации убыхов // XII Конгресс антропологов и этнологов России: сб. материалов. Ижевск, 3–6 июля 2017 г. / Отв. ред.: А.Е. Загребин, М.Ю. Мартынова. Москва; Ижевск: ИЭА РАН, УИИЯЛ УрО РАН, 2017. С. 166.

14. «Последние звуки»: неслышанные голоса убыхских женщин // Материнство и отцовство сквозь призму времени и культур. Материалы IX международной научной конференции РАИЖИ и ИЭА РАН. В 2-х частях / Отв. ред. Н.Л. Пушкарева, сост. Н.А. Мицюк. Смоленск–М.: Изд-во СмолГУ, ИЭА РАН, 2016, Ч. 2. С. 199–201.

15. Жорж Дюмезиль и Тевфик Эсенч: полвека сотрудничества // Археология и этнография понтийско-кавказского региона. Краснодар, 2016. С. 171–195.

16. Из истории изучения убыхов и убыхского языка // Археология и этнография понтийско-кавказского региона. Краснодар, 2016. Вып. 5. С. 5–21. (в соавторстве в И.В. Кузнецовым).

17. Потомки убыхов в Турции // Археология и этнография понтийско-кавказского региона. Краснодар, 2016. С. 225–251. (в соавторстве в В.И. Колесовым, И.В. Кузнецовым, Р.Ш. Кузнецовой, З.А. Хуако).